

Title	Alexandra Popoff, Vasily Grossman and the Soviet Century (New Haven: Yale University Press, 2019), 424 pp.
Author(s)	Л а н и н, Б о р и с
Citation	Acta Slavica Iaponica, 42, 58-60
Issue Date	2021
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.42.58
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/84171
Type	departmental bulletin paper
File Information	Acta42-05_BookReviews58-60.pdf

Alexandra Popoff, *Vasily Grossman and the Soviet Century* (New Haven: Yale University Press, 2019), 429 pp.

В рецензируемой книге 15 глав, которые в хронологическом порядке охватывают жизнь и творчество Василия Гроссмана. Некоторые из них названы соответственно жизненным этапам писателя — «В городе Бердичеве», «От науки — к литературе и политике», «Факты на местах: Донбасс», иные — по названию анализируемых в этих главах произведений: «Жизнь и судьба», «Все течет» и т.п.

В предвоенные годы происходило затянувшееся становление Гроссмана-писателя. В книге этому посвящены шесть первых глав. Благодаря широкому описанию культурно-исторического контекста, Александра Попофф предлагает современному читателю достоверное представление о годах и атмосфере, которые еще только-только подводили Гроссмана к основным темам его творчества.

Вслед за другими биографами, А. Попофф отмечает влияние и помощь М. Горького, который помогал на первых порах молодому писателю (С. 72–77). М. Горькому приглянулась зоркость молодого автора к деталям, умение выдержать повествовательный ритм, стремление взглянуть на сюжетные перипетии двойным зрением: глазами своего героя и взором всезнающего повествователя. Хотя до войны Гроссманом было написано довольно много, все же еще не сложился писательский стиль, еще не была найдена тема, которая позволила бы говорить о сильном писательском голосе. В целом, до войны Гроссман ещё не стал самим собой, и даже после романа «Степан Кольчугин» все ещё ходил в «подающих большие надежды». Александра Попофф очень чутко воспринимает ростки будущего писательского величия, и уже во Введении обращает внимание, что даже в этом типично, казалось бы, соцреалистическом романе, протагонист утверждает, что российское общество нуждается в долгой школе демократии, в введении гласности и всех гражданских свобод, которые отличают демократическое общество. «Десятилетия изменили взгляды писателя, — утверждает Александра Попофф, — но они сделались лишь все более бескомпромиссными» (С. 5). Мы согласимся с автором, что в последующих романах «Жизнь и судьба» и «Все течет» были искренне выражены еще более радикальные для советского писателя идеи.

Новые черты Гроссмана проявляются в главе «1941», седьмой по счету. Попофф рассказывает о том, как сложился воинский путь Гроссмана. Писатель не был призван в армию по состоянию здоровья: работа в химической лаборатории в шахтерской местности очень рано сказалась на его зрении и астме. Подобно многим писателям и журналистам, он стремился на фронт в качестве военного корреспондента. Однако у Гроссмана не было никакого военного опыта. Когда он встретился с главным редактором «Красной звезды» генерал-майором Давидом Ортенбергом, это был 90-киллограммовый тяжело дышащий человек в очках с толстыми линзами. Однако Ортенберг высоко ценил его роман «Степан Кольчугин»: столь одаренный писатель мог внести свой особенный вклад в битву с врагом. Ортенберг не ошибся. Может показаться, что Гроссман был назначен на незначительную должность — интендант-квартирмейстер. Однако на такую же должность назначили и сталинского любимца Константина Симонова. Гроссман к тому же не был членом партии большевиков. Ортенберг прикрепил к нему отставного полковника, который научил Гроссмана премудростям выживания на войне. Став специальным корреспондентом «Красной звезды», Гроссман

присоединился к группе известных журналистов и писателей, в которую, помимо многих других, входили Эренбург и Симонов.

5 августа 1941 года Гроссмана направили на центральный фронт вместе с другими корреспондентами «Красной звезды» Павлом Трояновским и Олегом Кноррингом, фотожурналистом. Им предстояло влиться в войска «центрального фронта», командующим которого стал генерал Андрей Ерёменко. Он заменил расстрелянного Сталиным генерала Павлова. В записных книжках писателя появляется образ слепого рассказчика из сожженного Гомеля, человека, ставшего звеном в цепи связанных полотенцами друг с другом раненых.

Вскоре Гроссман доказал, что воинский путь ему вполне по силам. Более того, он впервые летал на У-2 (самолёт конструктора Поликарпова), и лётчики были удивлены, узнав что это был его первый полёт. Он мог писать при любых обстоятельствах, при любом освещении. Военные корреспонденции Гроссмана появлялись два-три раза в месяц. Летом 1942 года был опубликован его первый военный роман «Народ бессмертен».

С 9-й главы «Арифметика жестокости» в книге начинает разворачиваться еврейская тема. Попофф открывает её упоминанием о том, что до нападения нацистов на СССР в стране жили пять миллионов евреев. За время оккупации примерно половина из них была уничтожена нацистами. Прежде всего этим занимались четыре специально созданные мобильные группы (Einsatzgruppen). (С. 152) Конечно, сейчас мы считаем Василия Гроссмана крупнейшим представителем русско-еврейской литературы. Однако так было не всегда. Еврейская тема начинает звучать в его творчестве во весь голос после начала Великой Отечественной войны. В статье «Убийство евреев в Бердичеве» Гроссман рассказывает о том, что до войны в городе жили тридцать тысяч евреев, а избежать смерти удалось лишь трети из них. Бердичев был оккупирован 7 июля 1941 года, эвакуацией евреев никто не занимался. В бердичевском гетто погибла мать писателя Екатерина Савельевна (С. 117-118)

Гроссман был первым советским писателем, вступившим в освобождённые нацистские концлагеря Майданек и Трешлинку. Его книга «Трешлинский ад» распространялась на Нюрнбергском трибунале в качестве официального документа. Она вместе с рассказом «Старый учитель» горестным плачем «Украина без евреев» (запрещенным к публикации на русском языке и опубликованный на идише в двух номерах газеты «Еуникайт» в 1943 году) легли в основу будущей литературы о Холокосте.

Однако главная военная книга Василия Гроссмана — одновременно главная историческая и главная философская — это роман «Жизнь и судьба», работа над которым продолжалась еще несколько лет после окончания Великой Отечественной войны. Роману посвящены 12-я и 13-я главы монографии. Это был первый случай в истории советской литературы, когда арестовали не писателя, а рукопись его книги. Все арестованные бумаги пролежали в архиве могущественной спецслужбы 52 года. В 2013 году из архивов КГБ-ФСБ были извлечены рукописи романа «Жизнь и судьба». Черновики и все изъятые у писателя папки были осмотрены дочерью писателя, Екатериной Коротковой-Гроссман, а затем переданы, согласно решению вдовы писателя, в Российский государственный архив литературы и искусства.

«Гроссман вершит суд над сталинским режимом, обвиняя его в совершении

массовых убийств», — утверждает Александра Попофф (С. 289). Навсегда очарованный толстовским эпосом «Война и мир», Гроссман создал энциклопедию советской жизни, в которую вписал психологический атлас советского человека.

Монография Александры Попофф — наиболее полное на сегодняшний день, по-настоящему фундаментальное исследование, в котором подробно проанализированы практически все острые моменты биографии писателя. В книге излагается целостный взгляд на писателя и его наследие. Исследование о Гроссмане написано убедительно и профессионально. Автор привлекает самый разнообразный архивный материал, публикуемый впервые, интервью, воспоминания, неизвестные ранее фотографии. Такой широкий обзор помогает читателю представить подлинное место замечательного писателя Василия Гроссмана в русской и мировой литературе, место, которое ему было отведено лишь после смерти.

Тома «Гроссман» в знаменитой биографической серии «Жизнь замечательных людей» нет и не предвидится. Рецензируемая книга Александры Попофф достойно восполняет этот пробел.

БОРИС ЛАНИН